

Джордж Райт

Жертвы

На этот раз он прижигал ее тело сигаретой. Неторопливо затягивался, с глумливой ухмылкой выдыхал вонючий дым ей в лицо, зная, что она терпеть не может этого запаха, затем прижимал тлеющий алый кружок к ее обнаженной коже, всякий раз в новом неожиданном месте, и держал так, пока сигарета не гасла. Потом щелкал зажигалкой, и все начиналось снова. Это была простая, хорошо знакомая и не самая страшная пытка. Немного похуже, чем

капающий воск, но намного лучше раскаленной кочерги, о, намного. Равно как и щипцов, не говоря уже о дрели.

Впрочем, в самых мучительных пытках при желании тоже можно было найти положительную сторону. Конечно, терпеть их было совершенно невозможно (но если вы притянуты цепями к пыточному столбу и не можете ни сопротивляться, ни уклоняться, ни умереть, то что вам еще остается), однако после них он давал ей отдых. Несколько дней на заживление ран. Увы, на ней всегда все заживало очень быстро, и эти счастливые дни пролетали почти незаметно. Но он, конечно же, не желал лишаться своего удовольствия даже на это время, так что, пока Мэри восстанавливала силы, Джону приходилось отдуваться за двоих. Ну а когда свой отдых получал Джон, расплачиваться за это, понятно, приходилось ей...

Наконец их мучитель затушил последний окурок, используя в качестве пепельницы ее подмышку, и неторопливо направился к выходу. Джон сжался у своего столба, ожидая, что сейчас Господин займется им, но тот, как видно, был не в настроении и, хотя и зыркнул удовлетворенно на испуганное лицо беспомощного пленника, просто проследовал мимо. Мягко закрылась тяжелая дверь, и жертвы вновь остались одни.

Они провели так, прикованные в четырех метрах друг напротив друга, уже множество дней (ни он, ни она не могли уже сказать, сколько именно, тем более что окон в подвале не было, а свет горел всегда), однако почти не разговаривали, разве что в первое время. Говорить было особенно не о чем, а кроме того, существовала вероятность, что Он подслушивает. Возможно, что и подсматривает; ничего похожего на видеокамеру они не видели, но кто его знает, где может прятаться крохотный объектив (скорее даже, два объектива, нацеленные на каждого из узников) и почему никогда не гаснет свет... Мэри могла бы поделиться любыми своими личными секретами с Джоном - мог ли у нее теперь быть кто-то ближе? - но только не с Ним. Хотя на самом деле у нее даже не было настоящих секретов... так, какие-то смешные и жалкие обрывки воспоминаний, которым она в нормальной жизни вообще не придавала бы значения... но это было единственное, что он все еще не мог у нее отобрать, и она оберегала их, как продувшийся в пух и прах игрок бережет свою бесполезную "счастливую" монету.

Все же на этот раз она нарушила молчание.

- Как думаешь, это когда-нибудь кончится? - равнодушно произнесла она, желая не столько услышать осмысленный ответ, сколько отвлечься от боли, причиняемой ожогами.

- Рано или поздно мы ему наскучим, и он нас убьет, - ответил Джон столь же безразличным тоном. - И подыщет кого-нибудь еще нам на смену. Такие парни никогда не останавливаются.

- По-твоему, мы у него не первые?

- Судя по его возрасту, вряд ли. Едва ли у него сорвало крышу под старость. Скорее всего, он был таким всегда.

- Тогда, наверное, полиция его уже ищет. Может быть, скоро найдет.

- Если бы он на чем-то прокололся, уже бы нашли. А так... Знаешь, что я думаю? Даже если копы нагрянут сюда, он будет сама любезность. Сам вызовется показать им дом, не дожидаясь ордера. И они уйдут, извиняясь за беспокойство, даже не заметив, что здесь есть этот подвал.

- Если это вообще подвал, - заметила она.

- А что же еще?

- Чердак, сарай, что угодно. Мы же не помним, как попали сюда, и окон нет.

- Думаю, - произнес Джон после короткой паузы, - все-таки подвал. Он всегда заходит сюда в домашней одежде. И он не пыхтит. Он толстый - если бы, чтобы попасть сюда, он поднимался по лестнице, у него наверняка была бы одышка.

Выглядело их узилище и впрямь в стиле средневекового подземелья, но это была декорация. На самом деле грубые камни стен были мягкими. Пол тоже был отделан каким-то

пластиком, разрисованным под каменные плиты. Он позаботился, чтобы его жертвы не могли ускользнуть, разбив себе голову. И заодно, очевидно, такая облицовка обеспечивала прекрасную звукоизоляцию.

- Зачем он это делает? - произнесла Мэри. Вопрос был глупый, и Джон не ответил.

- Ведь не ради секса, - продолжала она. - Он ни разу не насильничал меня... и тебя, если уж на то пошло. Я вообще ни разу не замечала у него эрекции.

- Вот уж к чему не присматривался, - фыркнул Джон. - Может быть, он импотент. Вроде из тех, кто хочет, но не может, получают особо жестокие маньяки... Хотя мне кажется - это доставляет ему удовольствие в чистом виде. Само по себе. Посредничество секса ему просто не требуется.

Вероятно, это и в самом деле было так. Даже то, что он держал своих жертв без одежды, скорее всего, не имело никакой сексуальной подоплеки. Просто так ему было удобнее их мучить... а заодно следить за гигиеной. Он явно не любил дурных запахов (исключая свои сигареты), а потому регулярно поливал их бьющей под напором ледяной водой из шланга, смывая пот, кровь, иногда - мочу и кал, если кто-то из них не мог сдержаться во время пытки. Последнее его раздражало и обычно влекло новое наказание; он предпочитал, чтобы они решали эту проблему сами, и не то чтобы со щедрой, но с терпимой периодичностью позволял им посидеть на установленном тут же унитазе. Разумеется, в коротких цепях и стальном ошейнике с подключенным к нему проводом, позволяющим покарать ударом тока любое неосторожное движение, но все равно, это были самые блаженные минуты дня. В остальное время они вынуждены были либо стоять, пока выдерживали мышцы ног, либо повисать на цепях, пока хватало сил терпеть вонзавшиеся в тело кандалы.

Они уже давно не стыдились ни наготы, ни необходимости справлять нужду публично. Это были наименьшие из их проблем.

- Мы должны что-то делать, - сказала Мэри после долгого молчания.

- Что мы можем делать? - Джон пожал плечами, насколько позволяли цепи. - Даже уморить себя, и то не можем.

Да, это они уже проходили. Попытка сухой голодовки была пресечена Господином быстро и жестоко. У Мэри потом еще долго саднило горло, оцарапанное изнутри вогнанной в рот воронкой.

- Напасть на него.

Джон выразительно покосился глазами куда-то вверх.

- Пусть слушает, - устало вздохнула Мэри. - Мне плевать. Заодно узнаем, наконец, есть ли здесь эти чертовы микрофоны.

- Ну хорошо, - решил Джон. - Что ты предлагаешь? Мы почти все время прикованы так, что почти не можем шевелиться.

- Туалет и кормление.

- А тогда он может нас вырубить одним нажатием на кнопку. Как чертовых роботов.

- Угу. А тебе не приходило в голову, что это обоюдоострое оружие?

- В смысле?

- Если один из нас вцепится в него зубами - да хотя бы просто боднет головой! - в тот момент, когда он будет жать на кнопку, он тоже получит удар.

- Это еще надо изловчиться. Точно подгадать момент. Не слишком поздно, но и не слишком рано, иначе он ни на какую кнопку жать не будет, а просто отшвырнет тебя пинком - а уж потом...

- Можно подгадать. Думаю, во время кормления лучше всего. Смотреть на наши туалетные дела он, похоже, не любит и держится на максимальной длине провода. А вот от кормления определенно ловит свой кайф и стоит рядом.

Есть они должны были, как животные - ртом из поставленных на пол собачьих мисок,

стоя на коленях со скованными за спиной руками. И да, это зрелище явно доставляло ему удовольствие. Кормил он их какой-то полужидкой бурдой - скорее всего, это была весьма дурно приготовленная каша, хотя они не могли определить, какая именно. Иногда он разнообразил меню тем, что щедро сыпал в варево соли или перца. В этих случаях он, конечно, особенно тщательно следил, чтобы его подопечный съел все до конца и вылизал языком миску.

Миска, в отличие от унитаза, у каждого из них была своя, и даже с написанным на боку именем - опять-таки, в лучших собачьих традициях. Но, разумеется, они никогда не получали пищу одновременно. Пока один ел, второй оставался прикованным к столбу.

- Ну допустим, - сказал Джон. - И ты, и он получили свой электрошок и валяетесь рядом парализованные. Я по-прежнему у столба. Что дальше?

- Может быть, этого окажется достаточно. Он старик, и, как ты правильно заметил, он не в лучшей физической форме.

- Зато мы после всех этих истязаний - в идеальной!

- И все же, думаю, сердце у него хуже, чем у нас. Так что удар, который у нас вызывает лишь временный паралич...

- А если нет?

- Думаю, даже в худшем случае я приду в себя первой, - она, кажется, сама не заметила, как приняла на себя активную роль, подсовываемую Джоном.

- По-прежнему в цепях, с руками за спиной, - напомнил он.

- Это не помешает мне перегрызть ему горло, - сказала она будничным тоном.

- А если он все-таки очухается слишком быстро?

- Тогда последняя надежда на тебя. Я постараюсь боднуть его так, чтобы он упал головой в твою сторону. Может быть, тебе удастся дотянуться до него ногой и наступить либо на шею, либо на нос и рот.

- Слишком много "может быть".

- У тебя есть лучший план? "Смириться и терпеть, пока не сдохнем", не предлагать.

Джон долго молчал.

- Нет, - признал он, наконец. - Нету.

- Тогда готовься. В следующий раз... нет, лучше через раз. Во время следующего кормления я еще раз все тщательно прикину.

Следующего раза она ждала со страхом. То есть, конечно, они ждали его появления со страхом всегда, но в этот раз особенно. Если он все-таки слышал их разговор... Но нет, кормление прошло, как обычно. Правда, когда она, стоя на коленях, склонилась над миской, он все-таки пролил тонкую струйку кипятка ей на спину, но это была его регулярная шалость. Вряд ли это следовало считать предупреждением. Она даже почти не сбилась, бормоча слова благодарности. Он требовал, чтобы они всегда благодарили его за еду, которую он им дает.

Приковав ее обратно к столбу, он отправился кормить Джона, а после позабавился с ним, выдергивая пинцетом волоски на его лице и теле. К несчастью для Джона, то и другое росло у него даже слишком хорошо, и это была частая пытка. Казалось бы, много ли боли может причинить вырванный волосок, но Господин умел проделывать это особенно болезненно, особенно когда дергал по несколько волосков одновременно. Хотя, разумеется, это в любом случае было куда лучше, чем "бритье" паяльной лампой.

- Ну, что ты надумала? - хрипло спросил Джон, когда они, наконец, остались одни.

- А ты сам? - неожиданно огрызнулась она. - Ты все-таки мужчина. Ты-то не попытался прикинуть, как лучше его завалить?

- Это твой план, - непреклонно возразил Джон.

- Думаю, что если я попытаюсь напасть на него, когда он рядом, он действительно не будет жать на кнопку, - признала Мэри. - Он понимает, что в цепях, да еще на коленях, я для него не опасна. Даже если я попытаюсь укусить его сквозь брючину, он справится со мной одним

ударом. Надо его испугать. Так, чтобы у него палец лег на кнопку и нажал на нее рефлекторно, когда я... - говоря об этом, она даже не задумывалась о боли от электрошока, хотя прекрасно была с этой болью знакома. Какое это имело значение, если эта мука, призванная удерживать их в рабстве, откроет дорогу к свободе?

- И как ты предлагаешь это сделать? - перебил Джон.

- Отвлеки его. Крикни что-нибудь резкое и неожиданное. Что-нибудь типа "получай, гад!" или "скорее сюда, он здесь!" Что-нибудь, требующее его немедленной реакции. Он обернется, и тогда я на него прыгну. Насколько получится, конечно...

- На его месте я бы на всякий случай сначала вырубил тебя током, а потом уже повернулся разбираться.

- Ну... может, конечно, он так и сделает. Но ты говоришь так, потому что у тебя было время подумать. А для него это будет полная неожиданность. Будем надеяться...

- Надеяться, - скривился Джон.

- А что нам еще остается?

- А ты представляешь, что он с нами сделает, если план не сработает?

- Сам говоришь - рано или поздно он так и так нас убьет, - невесело усмехнулась она.

- Это может быть еще не худшим вариантом.

- Куда уж хуже...

- Всегда есть, куда хуже, - убежденно возразил Джон.

- Короче, - потеряла терпение Мэри, - ты мне поможешь или нет? Если нет, я попробую одна. И... - "в случае успеха оставлю тебя тут", хотелось добавить ей, но она сдержалась. Нет, конечно же, это была просто злость. На самом деле она бы не бросила его здесь - даже на время, чтобы проучить. Нет, не после того, что они уже вытерпели вместе.

- Ладно, - буркнул Джон. - Только, я думаю, надо кричать не что-то резкое и угрожающее. Сначала просто привлечь его внимание, а потом, когда он обернется - "Господин! Берегитесь!" Вот тогда он, пожалуй, нажмет на кнопку в нужный момент.

- Хорошо. Значит, в следующее кормление.

- Да.

До следующего кормления их жизнь была на удивление хорошей - не считая, конечно, необходимости спать, обвиснув на цепях, и ледяного "душа" после очередного туалета, но это были вещи привычные как дыхание. Специально же Господин не мучил ни его, ни ее. Иногда на него находил необъяснимый приступ доброты, и он оставлял их в покое даже тогда, когда этого не требовало состояние их здоровья. Впрочем, как предполагала Мэри, доброта тут была ни при чем. Скорее, ему было просто лень. А еще вероятнее - он чувствовал, что от слишком частых пыток его удовольствие притупляется. Однажды такой внеплановый отпуск длился, наверное, целую неделю - зато потом, правда... Мэри до сих пор с содроганием вспоминала о том, что было потом.

Но на сей раз отдых оказался гораздо короче. Явившись с мисками, наполненными обычной бурдой, Господин поставил их на пол в середине помещения, а сам направился к столику у стены, где лежали его инструменты. Выбрав острую опасную бритву, он неторопливо двинулся к Джону...

Когда он закончил, все тело узника было словно покрыто багровой росой - хотя на самом деле все порезы были неглубокими и неопасными. Периодически Господин посыпал свежие раны своих жертв солью, но на этот раз обошлось. Вымыв бритву и положив ее на место, он направился к Мэри - на сей раз с пустыми руками. Похоже, сейчас ее ожидало только кормление. Ногой он подвинул миску по полу в ее сторону, затем присоединил провод к ее ошейнику и полез в карман за ключом от кандалов. Мэри с досадой подумала, что момент не самый удачный - мышцы ног в очередной раз отказались ей служить, и она бессильно висела на цепях, готовая рухнуть на колени без всяких понуканий, едва ее руки и плечи будут отсоединены от столба.

Удастся ли ей задуманный бросок? Может, отложить до следующего раза? Но как на глазах у мучителя предупредить Джона?

- Господин! - подал вдруг голос ее товарищ по несчастью. - Мне надо сказать вам что-то важное!

"Что он делает?" - с ужасом подумала Мэри. "Рано! Я же еще прикована к столбу!"

- Да, Джон? - не оборачиваясь, осведомился Господин тоном почти отеческим.

- Не отковывайте ее! Она задумала напасть на вас во время еды! И меня подбивала помочь! Я для виду согласился, чтобы узнать ее план...

- В самом деле? - мучитель отступил на шаг назад, разглядывая беспомощную жертву не столько с опасением, сколько с недоверчивым любопытством: неужели, мол, эта жалкая тварь осмелилась хотя бы подумать...

- Она надеялась, что вы тоже получите удар током, предназначенный ей... - Джон торопливо выложил весь план, машинально слизывая кровь, сочившуюся из изрезанных губ.

- Скотина, - бессильно пробормотала Мэри, даже не пытаясь что-то отрицать. В эту минуту она ненавидела предателя гораздо больше, чем мучителя, и, появившись у нее выбор, убила бы именно Джона.

- Так, так, - Господин сокрушенно покачал головой. - Какое низкое коварство. И это - в благодарность за еду, которую я даю ей! Воистину - кусают руку дающего... Ну а ты, Джон? Почему ты не сказал раньше?

- Я подумал, что... если скажу до того, как вы сделаете то, что хотели сделать со мной, вы можете решить, что я это придумал, чтобы избежать предназначенного мне. Ну или что пытаюсь выторговать у вас милость. Я не хотел омрачать вам удовольствие...

- Вот что значит хороший, верный раб, - удовлетворенно кивнул мучитель. - Ты правильно понимаешь, что твое единственное предназначение - исполнять волю своего Господина. Пожалуй, ты заслуживаешь награды, Джон. Ну а что мы будем делать с этой недостойной лукавой рабыней?

"Мы", конечно же, не означало, что он приглашает Джона в советчики, и тот благоразумно промолчал. Господин некоторое время изучающе рассматривал лицо Мэри, наслаждаясь ужасом в ее глазах.

- Ну для начала, раз уж ты так хотела электрошок, ты его получишь, - изрек он. - Никто не скажет, что я несправедлив.

Он достал свой пульт, слегка уменьшил мощность, дабы жертва все время оставалась в сознании, и принялся жать на кнопку. Он пытал ее током, наверное, около четверти часа, хотя Мэри показалось, что это длилось гораздо дольше. Ее тело, словно марионетка, которую дергают за живые нервы вместо ниток, корчило и выгибалось в цепях - иногда с такой силой, что, казалось, не выдержат кости. Волосы трещали, вставая дыбом. Она была вся мокрая - пот, слезы, моча - что усиливало электропроводность и, соответственно, боль.

Однако это была лишь прелюдия.

- Ну а теперь, - он приподнял за волосы ее бессильно повисшую голову, - мы тебя посверлим.

- О нет, - прохрипела она, с трудом ворочая языком; горло под ошейником все еще жгло тугой петлей боли. - Нет, Господин, умоляю вас! Пожалуйста, все, что угодно, только не дрель!

Он любил, когда его умоляют, и даже требовал, чтобы они регулярно это делали. И они, конечно, делали, хотя это почти никогда не помогало. Но в данном случае она молила искренне, а не по обязанности. Молила, не помня себя от ужаса. Молила, повторяя, как горько она раскаивается в своем бунте - и в эту минуту так оно и было.

- Ладно, - неожиданно согласился Господин. - Что угодно, говоришь? Ну тогда я сделаю тебе маникюр.

Она вздрогнула. Она прекрасно понимала, о чем речь - он уже делал ей "педикюр", при

помощи стамески, молотка и щипцов вырвав все ногти на ногах. Боль была ужасной, хотя все-таки меньшей, чем при рассверливании нервных узлов.

- Спасибо вам, Господин, - пробормотала она.

Эти же слова она выкрикивала и потом, во время пытки. Конечно, искренними они уже не были, просто это было единственное, что им позволялось кричать.

Напоследок он посыпал кровавое мясо ее пальцев солью, но и это было еще не все.

- Раз ты до сих пор не усвоила, что язык дан тебе лишь для того, чтобы славить своего Господина, а не плести заговоры за его спиной... - зловеще начал он...

"Неужели отрежет?!" - в ужасе подумала Мэри. До сих пор он ни разу не наносил им необратимых увечий. Шрамы, конечно, оставались, но не более чем. Даже те же ногти, как она знала, со временем отрастут.

Чтобы их можно было вырвать снова.

Он и на этот раз не стал невозвратно ломать свою игрушку. Он всего лишь зашил ей рот тонкой проволокой, щипцами вытянув язык между зубами и несколько раз пронзив его насквозь, пришивая к губам. В таком виде, как он пояснил ей, Мэри предстояло провести ближайшие несколько дней, не имея возможности ни пить, ни есть, а лишь "думать о своей вине".

К счастью, у нее хотя бы оставалась возможность закрыть глаза и не смотреть на Джона.

Однако возможности заткнуть уши у нее не было. И она не слишком удивилась, услышав во время следующего посещения Господина заискивающий голос Джона, робко напомнивший об обещанной награде.

- И что же ты хочешь, Джон? - елейно осведомился их мучитель.

Дурак, вероятно, попросил бы об отмене или облегчении следующей пытки - что, скорее всего, было бы сочтено дерзостью, заслуживающей не награды, а наказания. Узник более осмотрительный, но лишенный воображения попросил бы о какой-нибудь совсем не обременительной для Господина милости - скажем, о праве лишние несколько минут посидеть на унитазах. Но Джон был по-настоящему умен и уже доказал это.

- Позвольте мне самому помучить ее, - сказал он. - А вы будете смотреть. Вам понравится, уверяю!

Мэри мысленно застонала. Похоже, сукин сын делал карьеру. Оказывается, можно найти способ делать карьеру, даже когда ты прикован голый к пыточному столбу.

- Хм, - Господину прежде не приходила в голову такая идея, и он определенно почувствовал к ней интерес. Как-никак, это было разнообразие. Нечто принципиально новое. - И каким же образом, Джон? Боюсь, что я не могу доверить тебе инструменты.

- Я справлюсь голыми руками. Так даже лучше. Она не будет знать заранее, что ее ждет. Вы насладитесь каждой секундой ее страха. Но ей будет очень больно, уверяю вас.

- Ну хорошо. Только смотри не убей и не изувечь ее. Ничего такого, от чего она не могла бы оправиться.

- Конечно, Господин. Я не хочу лишать вас будущего удовольствия.

- Смотри не разочаруй меня, Джон. Если ты попробуешь обмануть мое доверие... если ты только помыслишь об этом...

Джон, конечно, принялся униженно заверять в своей преданности. И все же Господин принял все меры предосторожности. Отковав Джона от столба, он велел ему лечь на пол лицом вниз - а после этого нажал свою кнопку. Тело узника, явно не ожидавшего подобного, резко дернулось, парализованное электрошоком. Лишь после этого Господин освободил его скованные за спиной руки - впервые за все время, что и Джон, и Мэри находились в подвале - и тут же вновь отступил на безопасное расстояние, держа пульт с кнопкой в руке. Лишь пару минут спустя Джон смог подняться и мелко засеменял к Мэри (цепи на их лодыжках были не более трех дюймов в длину, и это был единственный доступный для узников способ перемещения;

теоретически можно было еще и прыгать, но это им было запрещено).

Когда он приблизился, у Мэри вдруг мелькнула надежда, что он придумал все это, чтобы, наоборот, избавить ее от пытки. Она даже приготовилась подыгрывать ему, показывая, что ей "очень больно". Впрочем, рассудок тут же возразил, что если бы он и впрямь хотел облегчить ее страдания, зачем бы он стал предавать ее и обрекать на все то, что она уже вытерпела по его вине? "А может, ему хотя бы теперь стало стыдно, и он пытается исправить..." не сдавалась надежда.

Увы. В следующий же миг он выбил из нее надежду полновесной пощечиной, отозвавшейся болью в ее пронзенных губах и языке; из уже подсохших ранок вновь выступила кровь. А затем... затем он принялся щипать ее во всех возможных местах. И действительно умудрялся делать это на удивление болезненно. Особенно когда между его пальцами оказывалась кожа, еще не зажившая после предыдущих истязаний. При этом он еще сопровождал свои действия глумливо-издевательскими комментариями (Господин, надо отдать ему должное, обычно пытал их молча).

Их хозяин стоял поблизости и наблюдал, не снимая, разумеется, пальца с кнопки. Сам он никогда не мучил их голыми руками, предпочитая использовать различные приспособления (Мэри даже предполагала, что он брезгует прикасаться к их коже). Впрочем, он не изменил своей привычке и сейчас, просто на сей раз его приспособлением был Джон.

Мэри не знала, чего больше в действиях Джона - стремления выслужиться перед главным мучителем или жажды отыграться хоть на ком-то за свои собственные боль и унижение. Во всяком случае, как она видела вполне отчетливо, сексуальных мотивов у него не было точно так же, как и у Господина. Впрочем, ей было не до экскурсов в психологию. Она лишь повторяла про себя свою извечную мантру во время пытки - "скоро это кончится, совсем скоро это кончится, это не будет длиться долго..."

Наконец Господин остановил своего старательного раба. Джон просеменил обратно к своему столбу и покорно лег на пол, чтобы получить еще один парализующий удар током. Который, разумеется, не был признаком хозяйского недовольства - всего лишь мера предосторожности, пока Господин вновь надевал ему наручники. А несколько часов спустя Джон уже сам корчился у своего столба, прижигаемый сигаретой.

И все же покорность и прилежание зачлись ему. Когда он в следующий раз попросил разрешения развлечь Господина, втыкая в тело Мэри длинные булавки, ему это было милостиво позволено. Булавок в арсенале на столике у стены не было, хотя несколько раз их мучитель протыкал своим жертвам обе щеки вязальной спицей. Однако Господин пообещал, что сейчас принесет необходимое, и действительно на удивление быстро вернулся с целой коробкой булавок - словно наверху у него была целая лавка, торгующая подобным товаром (а кстати, почему бы и нет?)

Когда Джон приблизился, Мэри устало закрыла глаза. Но даже это не было ей позволено.

- Смотри на меня, сука! - рявкнул ее товарищ по несчастью и вновь хлестнул ее по щеке. Мэри повиновалась, постаравшись взглядом высказать ему все, что не могли сказать ее пришитые к языку губы.

Однако в лице Джона, заслонившем ее от Господина, не было ни злобы, ни обиды. Вместо этого он беззвучно, но отчетливо проартикулировал: "Читай по губам".

Мгновенно в сознании измученной узницы вновь проснулась надежда. Она медленно моргнула, давая понять, что поняла.

А затем он вонзил в нее первую булавку - на добрых два дюйма, по самую перламутровую головку.

Мэри замычала не столько от боли - оказавшейся слабее, чем она ожидала - сколько от досады. Она вновь поверила этому ублюдку, а он хотел лишь поглумиться над ней!

- Что, не нравится? - довольно заржал он, но его лицо - лицо, которого не видел стоявший

позади Господин - по-прежнему выражало иное. "Булавкой можно", сказали его губы. Что "можно", он тут же продемонстрировал, вонзив вторую. Но нет, он имел в виду не это. "Открыть наручники", закончил он свою мысль.

Он втыкал в нее булавки, глумился над ней вслух и беззвучно объяснял свой план. Мэри чувствовала, как превращается в дикобраза наоборот. Когда она дергалась, головки булавок шевелились, и Господин довольно хихикал. Одну булавку Джон даже вогнал в ее распухший истерзанный язык, торчавший между губами. Мэри застонала и внезапно почувствовала сильнейшее желание отплатить ему его же монетой. Выдать его Господину и посмотреть, какое наказание получит он. А может быть, подумала она, все это вообще провокация. С целью дожидаться, пока она попытается освободиться, доказав, что ее покаяние вовсе не было искренним - и уж тогда точно будут и дрель, и раскаленная кочерга, и что там еще на пару придумают эти двое.

Она не задумывалась над тем, что Господин с тем же успехом мог истязать ее и без всякого повода - как он регулярно делал прежде. Кто знает, что взбрело ему в голову на этот раз... Она почти наверняка выдала бы Джона, если бы могла говорить. Но она не могла. Тут Господин, похоже, перехитрил сам себя.

Наконец булавки закончились - но не пытка. Особая прелесть которой заключалась в том, что все эти булавки так и должны были остаться в ее теле. В том числе, разумеется, несколько штук - в ее зад.

Там, куда она могла дотянуться скованными за спиной руками.

Господин велел Джону несколько раз ударить ее, чтобы еще полюбоваться дергающимися булавочными головками, и, наконец, приказал своему орудию возвращаться на место. На сей раз Джон даже избежал электрошока. Мэри смотрела с надеждой, не попытается ли он вскочить с пола, сбросив с себя мучителя, пока тот защелкивал ему наручники. Но Джон не проявил ни малейшего намека на непокорность.

Наконец дверь за Господином закрылась. Некоторое время Мэри просто висела на цепях, не шевелясь. Кажется, она даже начала засыпать. Джон, потеряв терпение, громко закашлял.

"Ну же, давай!" - беззвучно сказали его губы.

И она начала пытаться. Не потому, конечно, что об этом просил он. И даже абстрактная надежда на свободу была для нее в этот момент меньшим стимулом, чем желание избавиться от булавок. На самом деле они уже не причиняли ей боли, за исключением разве что парочки воткнутых в особо чувствительные места. Но раздражало само ощущение инородных предметов в ее теле. В прежней жизни она никогда не делала пирсинга, даже сережек не носила. Ей всегда казалось диким по доброй воле протыкать собственную плоть...

Вытащить ближайшую булавку оказалось нетрудно даже пальцами, лишенными ногтей. Дальше следовало на ощупь вставить ее в замок, согнуть и начать поворачивать. Здесь проблемы возникли на первом же этапе. До боли выворачивая кисти, Мэри слепо тыкалась булавкой в наручники, пока та не выскользнула из ее взмокших пальцев.

Впрочем, в запасе у нее оставалось еще несколько.

Третью булавку ей после множества неудачных попыток все же удалось вставить, но та сломалась. Мэри похолодела от ужаса при мысли, что теперь обломок заклинит замок намертво, и долго трясла руками, пока не услышала тихий звон, с которым тот выпал на пол.

С четвертой булавкой она промучилась, наверное, около часа; в какой-то момент, чувствуя, что ее руки вот-вот сведет судорогой, она даже в бессильной злобе вновь воткнула эту булавку в собственный зад, словно в подушечку. Заставила себя отдохнуть и успокоиться. А потом... потом у нее неожиданно получилось.

Мэри сама не поверила, когда замок поддался и кольцо наручника разомкнулось. В следующий миг согнутая булавка выскочила и упала на пол, но это уже не имело значения. Теперь, со свободными руками...

Да. Что делать теперь, когда ее кисти свободны, но плечи и лодыжки все еще прикованы? Не самое ли разумное - оставить все, как есть, и затаиться в ожидании Господина? Ибо, если видеокамеры все-таки существуют... В любом случае он не может наблюдать за ними 24 часа в сутки, должен же и он когда-то спать и, наверное, заниматься другими делами. Но даже если он смотрит на нее прямо сейчас, пока что он едва ли что-то заподозрил. Да, он мог заметить, что последние... сколько - два, три часа? - она как-то странно дергается, но, скорее всего, счел, что она просто страдает от боли. А когда он подойдет, ничего не подозревая...

Но хватит ли у нее, в ее нынешнем состоянии, сил и сноровки, чтобы схватить его за горло и задушить - не имея при этом возможности сделать и шаг от столба? Если он вырвется... А главное - он может вообще не подойти достаточно близко, а вновь использовать Джона. Ему, похоже, понравилось пытаться чужими руками. Наверняка для этого тоже существует какое-то психологическое объяснение... Допустим, теперь Джон не будет играть на его стороне, но что он может? Попробует напасть - получит свой электрошок, а сам Господин останется вне досягаемости Мэри и уж, конечно, легко найдет способ справиться с ней...

Джон, вероятно, пришел к схожим выводам. Поняв по выражению ее лица, что у нее получилось, он теперь беззвучно подбадривал ее: "Скорее, не останавливайся!" Но едва ли не сильнее всех этих разумных "за" и "против" было для нее нежелание терпеть. После всех этих месяцев она не хотела больше терпеть даже полчаса.

Первым делом она выдернула те булавки, что причиняли ей наибольший дискомфорт. Но не выбросила их, а использовала для дела. Освободить плечи оказалось легко. С ногами неожиданно вышла заминка, замок оказался тугой, но, задействовав сразу несколько булавок, ей удалось справиться и с этой проблемой. Выдергивая на ходу оставшиеся булавки и почти не замечая боли в измученных икроножных мышцах, Мэри побежала к столику с инструментами. То, что столько времени было орудиями их страдания, теперь должно было послужить средством освобождения и отмщения...

Для начала она отыскала кусачки и перерезала проволоку, стягивавшую ее рот. Вытаскивать ее было больно, но это была сущая ерунда по сравнению с...

- Свет! - Джон, так и не дождавшись, чтобы она посмотрела в его сторону, сказал это вслух. Мэри застыла на миг, взглянув на лампу под потолком, потом поняла. Если здесь все же есть системы слежения... и если их мучитель в данный момент не пялится в свой монитор, то он может сделать это в любую минуту. И тогда ему, вероятно, даже не понадобится спускаться в подвал, чтобы подавить бунт. Возможно, он может пустить сюда газ, с него станется. Или изменить температуру в ту или иную сторону до непригодной для жизни. На худой конец, просто уморить их жаждой и голодом, если они не сумеют открыть дверь изнутри - а она тут, похоже, не хуже, чем в банке...

Но если он увидит просто черный экран, то сочтет это лишь технической неисправностью. За все время плена Мэри не помнила, чтобы лампочка перегорала, но должно же это когда-то случиться...

Столик был на колесиках, так что подкатить его под лампу не составило труда. Взобраться на него так, чтобы не грохнуться при этом - особенно учитывая состояние ее мышц - оказалось сложнее, но все же ей это удалось (почти все инструменты пришлось сгрузить на пол). Неуверенно балансируя на готовом в любой момент выкатиться из-под нее столике, Мэри медленно выпрямилась с кочергой в руках - *той самой* кочергой. Удивительно, но с первого раза она промахнулась - слишком боялась потерять равновесие. Зато со второго лампа брызнула осколками, погрузив помещение в абсолютную тьму. И тут же столик все-таки поехал вбок, и ей пришлось срочно прыгать, чтобы не упасть. Она еще успела подумать в воздухе, как сейчас приземлится босыми ногами прямо на валяющиеся внизу острые инструменты, но, к счастью, не попала на них. Правда, один осколок только что разбитого стекла все же вонзился ей в пятку, но он был совсем мелкий, и она почти не обратила на это внимания.

Она услышала, как откатившийся столик ударился о стену. Теперь следовало в этой крошечной тьме освободить Джона. Конечно, уже не с помощью булавок, с которыми так много возни. Мэри присела на корточки, нашаривая среди пыточных приспособлений что-нибудь более подходящее. Пожалуй, проклятая дрель как раз сгодится, чтобы рассверлить кандалы... хотя сверло может сорваться или сломаться - и потом, шум...

Но, пока она пребывала в нерешительности, дверь в подвал открылась, и в светлом прямоугольнике возник хорошо знакомый им обоим грузный силуэт.

Мэри рванулась к нему, словно бегун с низкого старта, на бегу заноса кочергу, чтобы обрушить ее на ненавистную плешивую голову. Но тут ее многострадальные ноги все же подвели ее. Жестокая судорога свела разом обе икры. Мэри рухнула, не добежав до врага совсем чуть-чуть; удар, который должен был раскроить ему череп, пришелся в толстый живот. Господин охнул, но устоял на ногах, а в следующий миг - света, падавшего из коридора, хватило ему, чтобы сориентироваться - он решительно шагнул вперед и всей своей тяжестью наступил на запястье корчащейся на полу рабыни, вынудив ее выпустить кочергу. Мэри, почти не помня себя от боли в ногах, все же сумела свободной левой рукой дернуть его за лодыжку другой ноги. Мучитель вновь не упал, но вынужден был шагнуть назад, чтобы сохранить равновесие. Однако прежде, чем Мэри сумела вновь завладеть оружием, он отпихнул кочергу ногой назад, а затем спокойно наклонился, чтобы подобрать ее. Мэри в отчаянии смотрела на это - больше она не могла сделать ничего, пока не придет судорога.

- Получай, гад!!! - заорал вдруг Джон, точь-в-точь как она предлагала ему, кажется, целую вечность назад.

Мучитель резко обернулся. Само собой, он не знал - и не мог быстро разобрать во мраке - что второй его пленник по-прежнему прикован и беспомощен; он лишь пару раз слепо махнул кочергой в воздухе, отражая гипотетическую атаку.

Но за эти несколько секунд судорога Мэри быстро пошла на убыль. Женщина понимала, что стоит ей лишь чуть-чуть напрячь мышцы ног - и та вернется; но она поползла вперед, отталкиваясь руками - взмокшее тело хорошо скользило по полу - и схватила своего истязателя за обе ноги. Тот все еще стоял к ней спиной, а потому не смог ударить кочергой; он, правда, пытался, но лишь ушиб ей бедро и оцарапал ребра - какая это была ерунда! - а она тем временем, не обращая внимания на боль в пальцах, карабкалась по нему вверх, как взбесившаяся обезьяна. Он вертелся на месте, пытаясь сбросить ее; ему удалось захватить ей локтем в лицо и разбить нос, но тут Мэри, наконец, отважилась опереться на ноги и выпрямилась, вцепляясь обеими руками в его жирное горло. Ему пришлось бросить кочергу и, в свою очередь, вцепиться в ее руки; Мэри старалась изо всех сил, понимая, что если ей удастся сохранить хватку хотя бы минуту, все будет кончено; но сил у нее оставалось немного, и ему все же удалось оторвать одну ее руку от своей шеи. Они продолжали бороться, топчась во мраке; в какой-то момент он сумел вырваться и развернуться к ней лицом. Она вновь попыталась схватить его за горло, но он крепко схватил оба ее запястья. Какое-то время борьба шла с переменным успехом - она не могла вырваться, но и он мог лишь держать ее и ничего больше - но затем он стал одолевать. Да, он был стар и толст, громко пыхтел и, должно быть - хотя во мраке это не было видно - весь побагровел от прилива крови, и все же он все еще был сильнее измученной месяцами пыток женщины. Он отвел ее руки от своей шеи, постепенно сводил их вместе и, кажется, уже прикидывал, чем бы их связать.

- Сюда его! - кричал Джон. - Ко мне!

Мэри догадывалась, что не сможет столкнуть с места эту тушу. Тогда она неожиданно прекратила борьбу на верхнем уровне, позволив ему резко свести ее запястья, но, почувствовав, как он расслабился по случаю одержанной победы, она зацепила ступней, как крюком, его лодыжку и пихнула его, что было сил. Он сделал несколько вынужденных шагов назад, увлекая ее за собой - и всю свою массу налетел на Джона, припечатав того к столбу. Джон охнул от

боли, но уже в следующий миг сделал то, к чему готовился - впился сбоку зубами в шею мучителя. Тот ослабил хватку, и Мэри удалось вырвать мокрые от своего и чужого пота руки. Она не стала мешать Джону, а вместо этого зажала руками нос и рот своего врага. Мучитель одной рукой пытался оторвать от себя Джона, а другой слепо схватил Мэри за горло, пытаясь душиТЬ ее в ответ. Этот рефлекторный жест был с его стороны очень глупым - пальцы лишь без толку скользили по стальному ошейнику, некогда им же и надетому.

Он еще успел два раза весьма болезненно ударить Мэри ногой по голени и глубоко расцарапать ногтями щеку Джона, но из прокушенной артерии уже хлестала кровь. Его тело дернулось несколько раз - с каждым разом слабее - а затем быстро обмякло (Джон едва успел разжать челюсти) и тяжело повалилось на пол.

Мэри тут же отбежала назад, подхватила кочергу и нанесла-таки тот удар, который не получился у нее с первого раза. Мерзко хрястнуло, что-то мокрое и горячее плеснуло на ее голую ногу. Но она не остановилась и ударила снова. И еще раз...

- Хватит, - сказал Джон, отплевываясь. - Он мертв.

- А вдруг очухается... - неразборчиво пробормотала Мэри; опухшие губы и язык еще плохо повиновались ей. - В кино они всегда...

- Нечему тут больше очухиваться, - брезгливо констатировал Джон; под ногами у него расплывалась лужа крови, в которой плавали ошметки мозга. - Все кончено. Мы свободны.

"Я, но не ты!" - подумала Мэри с внезапным злорадством. У нее вновь возникла дикая мысль, что она в общем-то совершенно не обязана освободить Джона. Теперь он не нужен ей даже как помощник. И она может отплатить ему за все, что перенесла по его вине...

Нет, конечно. Конечно, это была чушь. И все же она спросила:

- Почему так сложно? Почему ты не дал мне действовать по моему плану? Зачем выдал меня ему?

- Разве ты все еще не поняла? Твой план был слишком ненадежен. И к тому же существовал риск, что он подслушивает. Поэтому я использовал все это, чтобы втереться к нему в доверие. И действовать наверняка.

- Наверняка? - криво усмехнулась она. Ее все еще пробирала нервная дрожь после только что закончившейся битвы. Битвы, где победа отнюдь не была предрешенной.

- Ну... во всяком случае, с куда большей вероятностью. И в итоге это сработало, не так ли?

- Ты мог хоть как-то предупредить меня!

- Я не мог ставить наше спасение в зависимость от того, насколько ты хорошая актриса. Все должно было быть предельно натурально, включая страх и ненависть в твоих глазах.

- Да уж, натуральнее некуда, - зло ответила она. - Булавки в меня втыкал, как в чертову подушечку...

- Ты ведь прекрасно понимаешь, зачем были нужны булавки. И, кстати, большинство я воткнул в жировую ткань. Это безболезненно, если не считать прокола кожи. Если тебе показалось иначе, то это самовнушение. Ну, конечно, некоторые мне пришлось воткнуть туда, где это действительно больно, иначе...

- Все просчитал заранее, да? И как рационально меня подставишь, и как умно будешь мучить...

- Мы свободны, - повторил Джон. - Чем ты недовольна?

- Ты хоть понимаешь, чем мне пришлось за это заплатить?! - она буквально сунула ему под нос свои лишенные ногтей пальцы.

- За свободу всегда приходится платить. Даже если ее дарят... Другого выхода просто не было.

- Был, - ядовито усмехнулась она. - Даже в рамках твоего плана. Мы могли бы поменяться ролями.

- Во-первых, - вздохнул он, - я уже сказал - я не мог рассказать тебе план, не будучи уверен, что нас не подслушивают. Во-вторых... ну да, выбирая, кого из нас обречь на дополнительные пытки, я предпочел, чтобы это был не я. А ты хочешь сказать, что *ты* выбрала бы иначе?

Она открыла рот и осеклась. В самом деле, если бы она сказала "да", это было бы глупо. Во-первых, это была бы неправда. А во-вторых, он ответил бы "ну и чем ты, в таком случае, недовольна?"

Но понимание его правоты все еще не могло погасить ее злость.

- А что ты будешь делать, если я сейчас просто возьму и уйду? - огрызнулась Мэри. - И оставлю тебя здесь. А, умник? Этого нет в твоём плане?

- Хочешь уподобиться ему? - спокойно ответил Джон.

- Кто бы говорил! - возмутилась она.

- То, что я делал с тобой, я делал не для удовольствия, а для спасения, - терпеливо повторил он. - Нашего общего спасения. И ты это знаешь.

"Угу. А если бы не общего? Ты бы бросил меня ему на растерзание, чтобы спастись самому?" Однако она не произнесла это вслух. Некоторые вопросы лучше не задавать. Если не хочешь услышать честный ответ.

Особенно учитывая, что она сама ответила бы так же.

- Ладно, - пробормотала она, - так уж быть, - и побрела в темноту, где на полу остались разбросанные инструменты.

- Куда ты? - окликнул ее Джон. - Ключи у него в кармане.

- Ой, точно. Что-то я совсем туго соображаю.

Пару минут спустя, окончательно избавившись от кандалов, они впервые вышли из помещения, столько времени бывшего их тюрьмой. Судя по всему, это действительно был подвал. За дверью оказалась лестница, довольно круто уходящая вверх.

Внезапно Мэри остановилась.

- А вдруг он жил не один? Вдруг там, наверху, кто-то еще?

- Семейка маньяков, как в триллерах? Вряд ли. Тогда бы они принимали участие в его забавах.

- Ну... может, и не маньяков. Может, обычная добропорядочная семья, понятия не имевшая, как развлекается их муж и отец. Даже про этот подвал не знавшая. Такое тоже бывает.

- Что ж, в таком случае их ожидает открытие, - Джон шагнул на первую ступеньку.

- Подожди! Ты что, хочешь появиться перед ними в таком виде?

- А ты видишь где-нибудь поблизости смокинг и вечернее платье?

- На нем... одежда.

- Да, но нам она явно великовата. И теперь она вся в крови. Впрочем... одежда сейчас не самое главное, а вот вооружиться не помешает. Даже если его родичи и были не в курсе, черт их знает, на что они способны ради сохранения чести семьи. И, кроме того, мы убили их любимого папочку.

Они вернулись в подвальный каземат - не без внутреннего содрогания, хотя, конечно, разум говорил им, что их мучитель мертв и это помещение отныне совершенно безопасно. Дверь не захлопнется у них за спиной, неведомая сила не притянет их обратно к столбам... и все же подсознательно они ждали чего-то подобного каждую секунду.

На сей раз кочергой вооружился Джон, рассудив, что мужчине тяжелое оружие подойдет больше; Мэри взяла опасную бритву. Ничего огнестрельного (на что понадеялся было Джон) у их мучителя при себе не оказалось. Затем они все же решили поделить одежду мертвеца; Мэри надела на себя рубашку, длины которой хотя и впритык, но хватило, чтобы прикрыть все, что полагается прикрывать женщине; окровавленная ткань противно липла к плечам и груди, но это было, прямо говоря, не самое большое неудобство в ее биографии. Джон начал было стаскивать

с мертвеца штаны (в которые могли бы влезть два таких, как он), но тут же брезгливо сморщился:

- Фу, да он обгадился по полной программе!

- Бывает, - желчно констатировала Мэри; кому, как не им, было это знать. - Можно попробовать постирать, - она кивнула на кран, под которым, словно змея, свернулся хорошо знакомый им шланг. Одновременно она подумала, что может, наконец, напиться - но в ту же секунду почувствовала давно уже, казалось, забытую брезгливость. Эти кран и шланг ассоциировались у нее с грязью, а не с чистотой. Нет, она еще чуть-чуть потерпит и попьет наверху, как нормальный человек...

- Ледяной водой? - скептически откликнулся на ее предложение Джон. - И вообще, не хочу возиться в его дерьме. Найду себе что-нибудь наверху, - и он вновь решительно двинулся на выход с видом античного героя, сжимая свое оружие. Впрочем, обнаженные тела античных героев, даже самых закаленных в битвах, никогда не покрывало такое количество шрамов, синяков и ожогов.

Дверь не захлопнулась у них перед носом. Та, что наверху, тоже не была заперта. Они благополучно вышли в коридор, куда через другую открытую дверь - и еще через одну в конце, закрытую, но со стеклом - падал солнечный свет. Был день - и, скорее всего, летний. Можно было даже расслышать доносившееся с улицы чириканье птиц.

Джон решительно шагнул в открытую дверь слева и оказался в просторной жилой комнате. Кожаный диван, пара громоздких мягких кресел, столик с прозрачной столешницей, большой телевизор с плоским экраном. На столике стояла пепельница, валялась початая пачка сигарет (тех самых) и лежал пульт от телевизора. Мэри взяла пульт, понажимала кнопки, но экран так и остался черным. Джон тем временем подошел к окнам, поднял жалюзи. За окнами буйно зеленела листва не то разросшегося сада, не то целого леса.

Следующее помещение по левую руку оказалось кухней. Выглядела она также вполне стандартно - шкафчики по периметру, плита, двойная металлическая раковина, сушилка, микроволновка, холодильник, накрытый клеенкой стол. Все здесь сияло белизной и чистотой, словно в операционной. Из стиля несколько выбивались разве что две собачьи миски на полу в углу. Те самые, с именами "Джон" и "Мэри".

Мэри сразу же устремилась к холодильнику. Увы, он оказался практически пуст, лишь в нижнем отделении для фруктов лежала пара больших красных яблок. Измученная жаждой женщина немедленно вонзила зубы в одно из них, даже не позаботившись вымыть его под краном; Джон взял оставшееся, но для начала выдвинул пару ящиков и отыскал в одном из них большой нож с острым концом, а затем все же направился к раковине. Мэри тем временем, не переставая жевать, выглянула в окно. Отсюда была видна расположенная среди зелени заасфальтированная площадка, на которой стоял черный внедорожник - не то "Форд", не то "Тойота", Мэри не особенно хорошо в них разбиралась.

- О черт! - раздалось у нее за спиной.

Мэри резко обернулась, испуганно сжимая ручку бритвы. Но опасности не было. Джон держал в руке яблоко, покрытое густой беловатой жижей. И тягучие капли этой же жижи все еще падали из крана.

- Хотел вымыть, и... вот, - пояснил Джон.

- Что это за... постой, да ведь это то, чем он нас кормил!

- Именно.

- И это просто течет из кухонного крана?!

- Да, похоже, он тут подключен к чему угодно, только не к водопроводу.

- Хорошо хоть не к канализации, - фыркнула Мэри.

- Ты все еще веришь, что он жил тут с семьей, которая ни о чем не догадывается?

- Не похоже... но в любом случае, нельзя расслабляться, пока мы не найдем помощь.

Дверь в конце коридора, та, что с непрозрачным гранулированным стеклом, вела если не прямо на улицу, то, вероятно, в светлую прихожую или на террасу. Однако как раз эта дверь оказалась заперта. И на той связке, что они извлекли из кармана мучителя, подходящего ключа не было. Как, кстати, и ключей от машины.

Джон замахнулся кочергой, целясь в стекло, но Мэри остановила его:

- Давай сначала проверим, что в комнатах справа. И надо все-таки найти одежду.

Ближайшая к предполагаемому выходу комната справа, судя по всему, служила хозяину кабинетом. Здесь стоял монументального вида стол с компьютером, оснащенный мощной аудиосистемой (два динамика на столе, еще два на стене позади и внушительный сабвуфер под столом), у боковой стены возвышался книжный шкаф и... и в общем-то все. Зато окно выходило уже не в заросли, а на улицу. Неширокую сонную улочку с разномастными одно- и двухэтажными домиками, обсаженными деревьями и аккуратно подстриженными кустарниками. На почтовом ящике напротив ближайшего дома можно было различить номер - 307, но до ближайших перекрестков было слишком далеко, и указатели с названиями улицы оставались вне поля зрения. Улица была совершенно пуста - что в этот послеполуденный час, само собой, не выглядело удивительным.

- Как думаешь, где мы? - спросила Мэри.

- Не знаю, - пожал плечами Джон. - Это может быть все что угодно. От Нью-Йорка за пределами Мэнхэттена до какой-нибудь крохотной деревушки в... да где угодно, от Калифорнии до Аляски.

- Но это, по крайней мере, Америка?

- Думаешь, он ухитрился вывезти нас за границу?

- Черт его знает, на что он был способен... может быть, это целая мафия, похищающая людей для развлечения богатых извращенцев. Если это Аляска, ему или им пришлось, по крайней мере, пересечь Канаду... хотя, мне кажется, в Аляске не было бы этих вечнозеленых кустарников. А в Калифорнии, наоборот, были бы пальмы...

- А ты там бывала?

- В Калифорнии или в Аляске?

- И там, и там.

- Нет... кажется, - добавила она после паузы, с удивлением осознав, что и в самом деле не может вспомнить наверняка.

- Угу, - буркнул он, продолжая глядеть в окно, затем подошел к книжному шкафу. - Думаю, все же Америка. По крайней мере, литература американская. Странная подборка - от Фолкнера до комиксов про Бэтмена и Супермена...

- Он и сам был несколько странным, ты не находишь? - недобро усмехнулась Мэри. - Кстати, а *это* там есть? Маркиз де Сад и все такое прочее.

Джон некоторое время продолжал изучать корешки книг.

- Нет, - сказал он наконец. - Ничего подобного. Вполне невинный шкаф. Может, конечно, во втором ряду...

- Ладно, пошли посмотрим, что тут еще есть, - нетерпеливо перебила Мэри.

Следующее помещение оказалось спальней. Кровать "королевского размера" была заправлена белоснежным бельем и выглядела нетронутой. На ней было две подушки, что, впрочем, ни о чем не говорило - некоторые сибариты спят в одиночку сразу на двух. У Мэри возникло сильное желание немедленно плюхнуться на эту кровать, на эти чистые простыни и подушки, и проспать, как минимум, сутки. Но, конечно, сейчас она не могла себе это позволить. Джон тем временем устремился к встроенному шкафу, но его ждало разочарование - шкаф оказался пуст. Лишь несколько пластмассовых и проволочных вешалок висели на поперечной перекладине.

- Хм... - протянул Джон. - Вот это уже по-настоящему странно.

- Возможно, это гостевая спальня, - предположила Мэри. - А его собственная - на втором этаже.

- А ты видела здесь лестницу на второй этаж?

Лестницы не оказалось - как, очевидно, и самого второго этажа, если только вход туда не вел с улицы. Последним помещением, которое они обнаружили, предсказуемо оказался санузел с туалетом и ванной. Из крана здесь текла нормальная вода - причем как холодная, так и горячая - и Мэри решительно заявила, что собирается принять душ.

- Нам надо выбраться отсюда как можно скорее, а уж потом... - возразил Джон.

- Я должна привести себя в порядок, - непреклонно заявила Мэри, по-прежнему стоя в перепачканной кровью рубашке. - Не хочу появляться в таком виде перед людьми.

- Ладно, можешь приступать, - легко согласился Джон, изучая содержимое полочки над раковиной. Ничего особенного там не было - полный тюбик зубной пасты, коробочка с флоссами и стойка для зубных щеток, в которой была занята лишь одна позиция.

- Хм... может, ты выйдешь?

Он посмотрел на нее с удивлением:

- Ты что - стесняешься? Меня? После того как мы столько месяцев...

- Это в прошлом, - решительно перебила она. - Теперь мы возвращаемся к нормальной жизни и должны вести себя как люди.

- Ну, возможно, - согласился он, внезапно почувствовав, что ему тоже хочется чем-то прикрыться. Он взял с вешалки одно из двух висевших в ванной полотенце и соорудил из него себе набедренную повязку.

- А мне принеси, пожалуйста, простыню из спальни, - попросила Мэри.

"Уже командует", усмехнулся про себя Джон. "Могла бы и сама сходить." Но возражать он не стал. Когда он вернулся с простыней, Мэри терпеливо ждала, все еще стоя в рубашке.

- Только давай быстрее, - сказал Джон. - Мне совсем не нравится этот дом.

- Неудивительно! - фыркнула Мэри.

- Нет, я не про подвал. Вообще все здесь. Все это какое-то... неестественное. Нигде никаких фотографий или картинок на стенах. Все окна закрыты, хотя сейчас лето. В спальне нет одежды, в ванной бритвы...

- А это что? - хохотнула Мэри, указывая на свое оружие, которое она уже успела положить на раковину.

- Это не то. Ты сама знаешь, для чего он ее использовал.

- А почему такой маньяк, как он, не мог ею же и бриться? Хотя нет, она же все время была там, на столике...

- Вот именно.

- И что, по-твоему, это все значит?

- Он здесь не жил. Просто приходил сюда, чтобы мучить нас. Возможно, просто арендовал этот дом, даже на чужое имя, и домовладелец не знал, для чего дом используется. А возможно... это что-то вроде гостиницы для садистов. Уж больно здесь все стерильно и аккуратно. Мне не верится, что он поддерживал такой порядок сам. Опять же, то, что здесь на кухне вместо водопровода... вряд ли такое можно устроить без ведома хозяина дома. Тогда твои слова про мафию могут оказаться правдой. И тогда подлинные хозяева вполне могут заявиться сюда. Когда заметят, что их клиент задерживается здесь сверх оплаченного времени.

- Ну... даже если так, хотя бы час у нас еще точно есть, - заявила Мэри. - Мы ведь прервали его очередное развлечение в самом начале. Я быстро.

- Ладно. Запрись изнутри. Хотя, конечно, вряд ли эту дверь сложно высадить... Я пока более тщательно осмотрю дом. Если мне удастся выбраться или вызвать помощь, я вернусь и сообщу тебе.

Душем Мэри не ограничилась. Она наполнила ванну - теплой, но не горячей водой,

чтобы не саднили ее раны и ожоги - и блаженно улеглась туда. Какое это наслаждение - лежать... просто лежать. Не стоять и не висеть на цепях. "Я недолго", пообещала Мэри себе, закрывая глаза. "Я только чуть-чуть отдохну... Спать нельзя. Выплюсь, когда выберемся отсюда..." И, разумеется, спустя пару минут она уже спала.

Разбудил ее громкий стук в дверь.

- Мэри! Ты в порядке?

- А? - она мгновенно вскинулась, плеснув воду за борт. - Да. Я сейчас. Ты нашел выход?

Вызвал полицию?

- Нет, - интонация Джона ей определенно не нравилась. - Похоже, все еще хуже, чем мы думали.

Она вылезла из ванны, кое-как вытерлась, поспешно соорудила себе нечто вроде тоги из простыни, откромсав лишнюю ткань бритвой.

- Так что ты нашел? - обеспокоенно спросила она, выходя.

- Спроси лучше, чего я не нашел, - усмехнулся Джон. Он пошел в спальню и уселся на кровать - ему, конечно, тоже было тяжело стоять. Мэри села рядом. - Во всем доме нет телефонов, - продолжал Джон. - Ни стационарных, ни мобильных. Я надеялся выйти в интернет, но компьютер не работает. Этот телевизор, - он кивнул на телевизор в изножье кровати, - кстати, тоже. Но хуже всего не это. Ни одно окно не открывается... а все стекла здесь, похоже, бронированные. Я бил по ним кочергой со всей силы... они даже не вздрагивают. Никаких других ключей я тоже не нашел.

- То есть мы не можем ни выйти, ни... - начала Мэри и вдруг вскочила, игнорируя ноющую тяжесть в ногах: - Смотри!

По улице за окном - на такой близкой и недоступной свободе - неторопливо ехал мальчишка на велосипеде.

Оба узника бросились к окну.

- Эй, эй! Посмотри сюда! Нам нужна помощь! Вызови полицию! - кричали они, колотя в небьющееся стекло. Бесплезно. Мальчишка проехал мимо, не повернув головы в их сторону, и скрылся из поля зрения.

- Наверное, сквозь эти стекла нас даже не слышно, - убито произнесла Мэри.

- Мы же слышим птиц, - возразил Джон. - Что, кстати, довольно странно при таких окнах.

И еще здесь не душно. Должна быть какая-то система кондиционирования, хотя я ее не видел...

- Это для нас сейчас не самое важное.

- Да - до тех пор, пока она не сломается.

- Ты же не думаешь, что мы проторчим здесь настолько долго, что...!

- Не знаю, - угрюмо произнес Джон.

Следующий час - или, возможно, два, они не могли сказать точно, ибо с часами в доме обстояло не лучше, чем с телефонами - лишь подтвердили опасения Джона. Они вновь, еще более тщательно обыскали дом - во всяком случае, ту его часть, что была им доступна; даже спускались снова в подвал. Точнее, спускался Джон; Мэри не смогла преодолеть себя и осталась ждать его на лестнице. Ничего интересного он, однако, не обнаружил. Мертвец с разможенной головой лежал на прежнем месте в луже уже свернувшейся крови, и от него все так же воняло - пока еще не разложением, хотя Джон понимал, что и за этим дело не станет. Никаких микрофонов или камер Джону отыскать не удалось, хотя, конечно, они могли быть просто слишком маленькими и слишком хорошо замаскированными.

Но едва ли не самым большим разочарованием оказалась кухня. Ее стерильная чистота оказалась чистотой пустоты. За исключением початых пачек соли и перца в одном из шкафчиков и нескольких ножей и вилок в ящике, там не было ничего - ни еды, ни даже посуды. Плита работала, но готовить на ней было нечего.

- И все-таки я ужасно хочу есть, - сказала Мэри извиняющимся тоном. Разумеется,

единственное яблоко скорее разожгло, чем утолило ее голод.

- Ешь, - усмехнулся Джон. - Достаточно отвернуть кран.

- Не думала, что стану снова есть эту дрянь, - продолжила Мэри тоном еще более смущенным, - но...

- Но пока что это наша единственная пища, - закончил за нее Джон. - Если не считать мяса.

- Мяса?

- В подвале.

- О боже, нет! - она даже отшатнулась от него в ужасе.

- Успокойся, я пошутил. Надеюсь, до этого не дойдет. Хотя, возможно, и стоило бы сделать припасы на всякий случай. Отрезать лучшие куски и положить в холодильник.

- Прекрати!

- Мы не знаем происхождения этой каши или что там это такое. Что, если ее подача прекратится?

- С тем же успехом может прекратиться подача электричества, и холодильник станет бесполезен, - парировала Мэри. - И вообще, ты говоришь так, словно мы останемся здесь навсегда!

- А ты знаешь, как нам отсюда выбраться?

- Пока нет, но нельзя же сдаваться!

- Я и не сдаюсь. Просто анализирую варианты.

Избегая смотреть на Джона, Мэри сходила за своей миской. Ей было ужасно стыдно снова, по доброй воле, использовать эту посуду, но что было делать, если другой все равно не было. Ей пришлось сделать усилие над собой, ломая рефлекс, чтобы поставить миску на стол - она слишком привыкла есть с пола.

Джон не хотел есть - особенно после недавнего посещения подвала - но заставил себя последовать ее примеру. Что, если потом подача пищи и впрямь прекратится?

Потом они по очереди сходили умыться, и Джон сказал:

- Нам надо забаррикадировать входную дверь.

- Думаешь, если явятся хозяева, это их остановит?

- По крайней мере, задержит. Возможно, поможет поднять шум, который услышат соседи.

Мэри не очень в это верила, но, в конце концов, надо же было чем-нибудь заняться.

Попытки вытащить в коридор диван или стол успехом не увенчались; пришлось ограничиться креслами, тоже достаточно тяжелыми, и большим телевизором из жилой комнаты - хотя Джон все же не был удовлетворен. Он прошел в кабинет и остановился перед книжным шкафом.

- Так нам его, конечно, не сдвинуть, но если вытащить все книги, то... - начал он, и тут какое-то движение, отразившееся в стекле шкафа, привлекло его внимание. Он обернулся к окну.

- Опять этот парень!

Это был тот же самый велосипедист, ехавший тем же курсом и с той же скоростью.

Разумеется, они вновь попытались привлечь его внимание - и столь же безрезультатно.

- Похоже, он нарезает круги вокруг квартала, - невесело усмехнулась Мэри, когда мальчишка скрылся. - Если он проедет там снова, мы сможем измерять по нему время. Три велосипедиста назад. Который час? Пять велосипедистов.

- М-да, - пробормотал Джон, глядя в окно. Затем обернулся, словно очнувшись: - О чем я говорил перед этим?

- О книгах.

- А, да, - он вновь подошел к шкафу, открыл стеклянную дверцу, вытащил первую попавшуюся книгу - какой-то боевик в яркой глянцевой обложке - и, не церемонясь, бросил ее на пол. За первой книгой последовала вторая, третья... - Чего сидишь - помогай! - раздраженно велел он Мэри, которая, за неимением больше в кабинете кресла, уселась на краю стола. Та

нехотя спрыгнула на пол. И вдруг Джон застыл, глядя на раскрывшиеся страницы очередной упавшей книги. Затем вытащил с полки еще одну, коричневый том.

- Срань господня...

Эти слова довольно своеобразно соответствовали контексту, ибо книгой, которую он держал в руках, была Библия.

Мэри, подходя, заметила крест на обложке и строгие белые буквы "СВЯТАЯ БИБЛИЯ". Они никогда прежде не обсуждали религиозные взгляды друг друга, и Мэри - сама бывшая скорее агностиком - в первый миг подумала, что Джон не решается швырнуть Библию следом за дешевыми триллерами. Но уже в следующий момент поняла, что дело вовсе не в благочестии, с которым к тому же не вязались только что произнесенные Джоном слова.

- Ты видишь это? - он перевернул обложку и, оттянув большим пальцем края страниц, быстро пролистал их перед носом у Мэри.

Они были чистыми - из конца в конец.

Так же, как и у раскрытой книги, валявшейся на полу.

- Типографский брак? - несмело предположила Мэри.

- Ага, конечно! - он выхватил наугад еще какую-то книгу с другой полки, раскрыл, бросил. Затем еще одну... - И это! И это! Целый шкаф типографского брака!

- Может, он такое коллекционировал? - выдвинула Мэри следующую гипотезу. - Или... тайники? Как в фильмах, где вырезают нишу в страницах, чтобы положить туда оружие...

- Нет здесь никаких ниш, - он перешагнул через валявшиеся на полу книги и вновь направился к окну. Долго молча стоял, глядя на пустую улицу.

- Ну? - потеряла терпение Мэри. - Что ты там увидел?

- Тень, - сказал Джон. - От старого вяза справа. Ты обратила внимание, где она была, когда мы впервые выглянули в окно?

- Нет.

- А я обратил. Она чуть-чуть не доставала до почтового ящика дома номер 307. За это время она должна была уже накрыть его. Но она все на том же месте.

- И... что это значит? - совсем растерялась Мэри.

- Здесь все ненастоящее. Декорация. Бутафория. Книги. Телевизоры. Компьютер. Эта улица. На самом деле нет никакой улицы, и никакого мальчишки. Это просто картинка, повторяющаяся снова и снова.

- А мы?

- Мы тоже ненастоящие, - вздохнул Джон. - На самом деле нас не существует.

- К-как это?!

- Мне кажется, что мы... просто персонажи. Персонажи рассказа, лежащего на каком-нибудь сайте для любителей садомазо. Единственный смысл и цель этого рассказа - описание наших мучений. Того, что мы можем освободиться, автор просто не предусматривал, и потому не стал описывать мир за пределами нашей тюрьмы. Это не бронестекло, - он постучал по окну. - Было очень глупо пытаться разбить его. И еще глупее баррикадировать дверь. За этими стенами попросту ничего нет. Вообще ничего.

- Но это же полный бред! Такого не может быть!

- Что ты знаешь о себе? - он повернулся к ней, прищурившись. - Откуда ты?

- Я тебе уже говорила, из Мэйна.

- Да, да, а я из Висконсина. Но конкретно? Где именно в Мэйне? Как назывался твой родной город? Как зовут твоих родителей? Как звали твою лучшую подругу в детстве? Твоего любимого учителя? Твою собаку или кошку, если они у тебя были? Какой твой нынешний точный адрес? Год, марка и модель твоей машины? Твой номер социального страхования? Где ты работаешь?

- В инвестиционной компании, - это был первый вопрос, на который она смогла ответить.

- Да, но в какой именно? Как зовут твоего босса? Какой твой служебный телефон? Да и домашний, кстати, тоже?

- Я... не помню, - вынуждена была признать она. - Знаешь, я так не хотела, чтобы *он* что-то узнал о моей частной жизни, что, наверное, внушила себе, что должна все забыть...

- Я себе ничего такого не внушал. Но у меня та же история. Родом из небольшого города в Висконсине, окончил школу с отличными оценками, поступил в университет, работаю в крупной компьютерной фирме - вот практически все, что я о себе знаю. Прочее - лишь смутные обрывки воспоминаний: какие-то друзья и подруги, которых я не могу вспомнить ни по лицам, ни по именам, какие-то поездки в отпуск или на каникулы к морю, неизвестно куда... Я даже не знаю собственной фамилии. И ты тоже, не так ли?

Мэри была вынуждена кивнуть.

- Авторы подобных рассказов обычно не утруждают себя глубокой проработкой бэкграунда героев. Так и вижу эти строчки на экране: "У Джона была обычная биография преуспевающего молодого американца, и даже в самых страшных снах он не мог представить себе, что..." И дальше весь текст - одни только описания пыток. Почему-то эти извращенцы обожают, когда мучают и унижают преуспевающих. Читать про страдания бомжей-наркоманов им неинтересно.

- И все равно это полная чушь, - тряхнула головой Мэри. - Просто нас похитили, накачали психотропами, поэтому мы потеряли память. Может, это даже какие-то секретные эксперименты, к которым причастно правительство. Если окна ненастоящие, то это место вполне может быть базой глубоко под землей...

- По-твоему, в этом случае наши перспективы лучше? - усмехнулся Джон.

- По крайней мере, мы реальные люди в реальном мире.

- Или же мы - галлюцинация параноика, одержимого теориями заговора, - теперь уже Джон, похоже, иронизировал. - Нет, правда. Не то чтобы я считал наше правительство и спецслужбы святыми, но подобные эксперименты попросту бессмысленны. Посмотреть, как будут вести себя нормальные люди под пытками? Человечество, слава богу, накопило столько материалов на эту тему, что еще в одном опыте нет никакой нужды.

- Но не можем же мы и в самом деле быть персонажами чертова рассказа! Персонажи не живые. Это просто буквы на бумаге! Они не могут думать и чувствовать! И пойти против воли автора тоже не могут!

- Да, - неожиданно согласился Джон. - Те, которые на бумаге, не могут. Но прогресс не стоит на месте. Как насчет виртуальной реальности?

- Теперь ты хочешь сказать, что мы - герои какой-то компьютерной игры?

- Вроде того. И мы, и все, что нас окружает - компоненты виртуальной модели, если слово "игра" кажется тебе недостаточно серьезным.

- Все равно! Компьютерные персонажи тоже не живые!

- Что такое жизнь? - пожал плечами Джон. - Что такое мысли и чувства? Всего лишь совокупность электрических импульсов в нервных клетках. И в чем тут принципиальная разница с электрическими импульсами в микросхемах?

- Все равно. Современный уровень технологий не позволяет...

- Ключевое слово - современный, - перебил Джон. - Какой сейчас год, по-твоему?

Мэри открыла рот и осеклась, поняв, что и здесь не знает точного ответа.

- По крайней мере, начало XXI века, - выдавила она из себя.

- Угу. С нашей точки зрения. А на самом деле, в реальном мире? Может быть, уже середина двадцать второго. Нам просто "повезло", что наш мучитель любил воображать себя американским маньяком начала третьего тысячелетия. А не, к примеру, нацистом в концлагере или палачом инквизиции.

- И что, по-твоему - подобная практика там легальна? Вот так создавать людей,

способных страдать по-настоящему, чтобы...

- Думаю, что нет, - спокойно ответил Джон. - И что? Тебе легче оттого, что он был преступником? Ты ведь и раньше в этом не сомневалась.

- Он?

- Да. Я, пожалуй, ошибся, говоря, что это общедоступный сервер. Иначе, наверное, администратор уже вмешался бы, увидев, что сюжет пошел не так. Нет, это сугубо приватный ад, и он же рай - для одного конкретного пользователя. Наш мучитель не был ни таким же персонажем, ни просто посетителем. Думаю, он и был нашим создателем. Нашим богом, если угодно. Богом, которого мы убили.

- И что, по-твоему - не стоило этого делать? - агрессивно осведомилась Мэри.

- Стоило, конечно, - Джон вновь пожал плечами. - Теперь вся эта вселенная принадлежит нам одним. Четыре комнаты, ванная и подвал с разлагающимся трупом.

- Как он может разлагаться? Как он вообще мог умереть, если, по-твоему, он из реального мира, а мы - нет? Или на самом деле он вовсе не умер? Ведь это - только его виртуальная проекция?

- Полагаю, что умер, - ответил Джон. - Иначе, опять-таки, система уже была бы перезапущена. Но он поплатился за полноту ощущений. Хотел максимального реализма, ну, вот его и получил. Нет, конечно, виртуальная реальность не могла физически прокусить ему горло или размозжить череп. Но, я думаю, он являлся к нам в своем истинном облике, и у него действительно было не очень хорошее сердце. А что касается разложения... детали антуража, которыми он на самом деле не пользовался - книги, компьютер, телевизор, улица - смоделированы весьма приблизительно. Но вот все, что касается физиологии и биохимии, система воспроизводит с абсолютной точностью.

- Да уж, - криво усмехнулась Мэри. - Ну и почему так, по-твоему? Почему он не сделал так, чтобы нам, к примеру, не надо было справлять нужду? Ведь ему это явно не нравилось. Почему не сделал, чтобы у нас заново отрастали отрезанные конечности, и не расширил таким образом ассортимент доступных развлечений?

- Возможно, ему претила мысль, что его создания окажутся совершеннее, чем он сам. Хотя, мне кажется, причина прозаичнее. Просто не мог.

- Не мог?

- Лично на меня он не произвел впечатления интеллектуала, - едко заметил Джон. - Он даже не удосужился придумать нам более оригинальные имена, чем "Джон" и "Мэри". Вряд ли он проектировал нас с нуля, клетку за клеткой. Как и все остальное здесь, кстати. Скорее всего, просто использовал готовые программы и модули. Возможно даже, собственный генетический код. Может быть, изначально вся эта система создавалась с благими целями - как медицинский симулятор, призванный моделировать процессы в организме пациента... Ты ведь обратила внимание, что мы все трое одного роста? Даже ты, хотя обычно женщины ниже мужчин.

- По образу и подобию, да? Но ты совсем на него не похож, а уж я тем более.

- Кто знает, как бы я выглядел через 30 лет, если бы разжирел, облысел и отпустил бороду. Все это очень меняет внешность. А какие-то коррективы он мог внести и дополнительно, чтобы не пытаться себя в молодости... Может, кое-что и улучшил - у нас быстро заживают раны и никогда не гноятся, несмотря на отсутствие обработки. Хотя, возможно, в его времени это уже просто всеобщий стандарт... А уж сделать женщину из мужчины и вовсе проще простого. Всего лишь удалить из базы данных Y-хромосому и заменить ее копией уже имеющейся X. Вот в обратную сторону было бы труднее...

- И откуда ты все это знаешь, по-твоему? Про хромосомы... и как открыть наручники? Что, он вложил тебе эти знания на свою же погибель?

- Ему было неинтересно пытаться безмозглых кукол. Так что он сделал нас умнее и образованней, чем он сам. Должно быть, этому ублюдку доставляло особое удовольствие

истязать тех, кто умнее его, - в интонации Джона впервые прорезался настоящий гнев. - Но, конечно, как и в случае с устройством тела, он не подбирал наши знания вручную. Просто заполнил наше сознание некой типовой информацией из серии "что должен знать средний образованный американец такой-то эпохи, возраста и пола". Возможно, в будущем - то есть в настоящем, конечно - это можно сделать одним поисковым запросом. Случайно там оказались и сведения про наручники... может, из какого-то фильма... он об этом и понятия не имел.

- И все-таки, почему он не отрезал нам руки-ноги? Ну, сдохли бы мы, ему-то что? Даже похищать новых не пришлось бы - просто перезапустить программу.

- Полагаю... он был по-своему привязан к нам. Мы были его любимыми игрушками. "Бог любит вас", да. Именно в этом смысле.

Некоторое время оба молчали. Слышно было лишь пение несуществующих птиц.

- Значит, по-твоему, никакого выхода отсюда нет? - безнадежным тоном произнесла

Мэри.

- Как ты это себе представляешь? - развел руками Джон. - Для нас не существует никакой реальности, кроме этой.

- И что будет дальше? Когда они... там... найдут его тело?

- Полагаю, просто выключат компьютер, и все исчезнет. Не будет ни ангелов с трубами, ни даже Большого Взрыва. Клик - и все. Хотя мы не услышим даже клика.

- Когда?

- Откуда мне знать? Если он жил один... и если у него достаточно денег, и он настроил автоматическую оплату всех счетов и налогов... или в их счастливом будущем достигнуто такое изобилие, что это не требуется... тогда его могут не хватить еще очень долго. К тому же неизвестно, течет ли здесь время с той же скоростью, что и там. Все может кончиться через минуту, а может - через сто лет. Но, в конце концов, люди веками жили с мыслью, что конец света, во-первых, неизбежен, а во-вторых, может прийти в любой момент. И даже наука этого не опровергла. Какая-нибудь вспышка на Солнце или астероид...

- И что ты предлагаешь - просто сидеть и ждать? - в голосе Мэри прорезались истерические нотки. - Или плодиться и размножаться? Рожать Каина и Авеля? И, когда первый убьет второго, мы поместим труп Авеля в подвал, а Каина изгоним в жилую комнату?

- Лично я сейчас не в настроении для... размножения, - пробурчал Джон. - Хотя, возможно, позже... Мы ведь с тобой на самом деле девственники, вот что забавно. Но, действительно, едва ли нам стоит заводить детей. Хотя не сомневаюсь, что модель обеспечила бы и это... В любом случае, у нас есть пища, вода, свет и тепло. И хоть какая-то, но свобода.

- В четырех комнатах! Пожизненно!

- Согласись, это лучше, чем висеть на цепях в ожидании очередной пытки.

- Еще недавно ты был вовсе не в восторге от этой нашей... "вселенной"!

- Просто пытаюсь смотреть позитивно на то, что не могу изменить.

Мэри все же не сразу поверила. Она еще пыталась сверлить стены той самой дрелью, но лишь переломала сверла, а на стенах не осталось никакого следа. Затем разбила кочергой оба телевизора (за неимением крестовой отвертки, которая позволила бы разобрать их цивилизованно). То, что оказалось внутри, походило на обычную электронную начинку, но лишь на первый взгляд. Джон сказал, что, хотя он не может утверждать на 100%, не имея хотя бы элементарного тестера, но скорее всего это лишь грубые муляжи печатных плат. Ни на одной из "микросхем" или "конденсаторов" не было маркировок.

Наконец два велосипедиста спустя Мэри сдалась и обессиленно повалилась на кровать.

Когда она проснулась, было, разумеется, светло, как и всегда в этом царстве света. Джон лежал рядом и глядел на нее.

- Сколько времени? - спросила она. Спросонья ей не пришло в голову ничего более умного.

- Не знаю, - ответил Джон. - Я тоже только недавно проснулся и не следил за велосипедистом.

- Почему было не сделать здесь нормальные день и ночь?! - воскликнула Мэри с внезапным раздражением, словно это была самая большая из ее проблем.

- Я думаю, он боялся темноты, - сказал Джон. - Поэтому и в подвале тоже всегда горел свет.

- Боялся темноты? В его возрасте?

- Люди боятся самых разных вещей независимо от возраста. Летний день, который никогда не кончается... в детстве я бы, пожалуй, сказал, что это моя мечта.

- Если бы только мы могли выйти наружу.

- Нет никакой "наружи".

- Знаю. И детства у тебя тоже не было.

Она думала, что он ответит "как и у тебя". Но он лишь молча взял ее за руку. Жест был скорее дружеский, чем сексуальный, но затем его пальцы двинулись выше, и, когда он не без смущения пробормотал "почему бы нам все-таки не попробовать", у нее не возникло сомнений, о чем речь.

- Как ты собираешься предохраняться? - спросила она устало-безразличным тоном.

- Ну... видимо, прерыванием.

- Это ненадежно, - очевидно, и эти сведения входили в набор "что должна знать образованная американка".

Он вдруг рассмеялся.

- Что смешного?

- Наш мир может исчезнуть в любую секунду. И ты говоришь о надежности?

- Ну конечно, не тебе же рожать!

- Нам ведь все равно нечем заняться, - произнес Джон почти что жалко. - У нас нет ни книг, ни компьютера, ни телевизора.

- Это самое романтичное объяснение в любви, которое я слышала в своей жизни, - усмехнулась Мэри. Кстати, это и в самом деле было так. - А впрочем, делай, что хочешь, - она перевернулась на спину и уставилась в потолок.

Его пальцы двигались по ее телу. Сначала робко, потом все уверенней и наглее. Вдруг она вскрикнула от неожиданной боли. Он ущипнул ее - резко и зло, как тогда, в подвале. Ущипнул там, где ее кожа еще не зажила после прошлых пыток.

- Что ты делаешь?!

- Прости, - он, кажется, и сам смутился.

- Тебя это возбуждает?

- Ты сама знаешь, что нет.

- Тогда зачем?

- Не знаю. Внезапно захотелось это сделать. Извини, это было очень глупо.

Мэри отодвинулась на самый край кровати и пристально посмотрела на него.

- По образу и подобию, да, - пробормотала она.

- Что? - он не расслышал.

- Мне надо принять ванну, - она поднялась с кровати.

- Ты ведь недавно это делала, - усмехнулся Джон.

- И что с того? Это было вчера. И ты выдернул меня оттуда.

- Но, может быть... после? Мы ведь продолжим? Я правда очень извиняюсь. Не знаю, что на меня нашло. Я больше не сделаю тебе больно, клянусь.

- Да, - ответила она. - Не сделаешь.

Мэри вышла из спальни. Через некоторое время донесся приглушенный дверью шум воды.

Джон ждал ее возвращения. Ждал долго. Когда велосипедист за окном проехал во второй раз, он поднялся и пошел в ванную.

Сперва он звал ее и стучал. Потом высадил дверь. Это и в самом деле оказалось несложно.

То, что он увидел внутри, не особенно его удивило.

Некоторое время он стоял и смотрел на труп. Потом нагнулся и поднял с пола окровавленную бритву. Ему не нужно было пробовать лезвие пальцем, чтобы узнать, насколько оно острое. Он знал это очень, очень хорошо. И ему хотелось попробовать эту бритву с другого конца. Узнать, что чувствуешь, когда режешь ты, а не тебя.

Все-таки надо сделать припасы, подумал Джон. Это разумно и целесообразно. Кто знает, что может случиться с подачей пищи из крана. Системный сбой маловероятен, но вдруг *он* контролировал это дело вручную?

Впрочем, в глубине души Джон не слишком верил в такую опасность. Просто эта полужидкая дрянь успела ему изрядно осточертеть. А мясо... судя по загруженным в его память сведениям, мясо должно было быть вкусным.